

М. А. САЛМИНА

Особая редакция «Сказания о начале Москвы»

Среди списков «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»¹ имеется один, непохожий на остальные. Текст его находится на лл. 277—279 об. в составе летописца (лл. 274—282 об.) из сборника Рукописного отдела ГПБ с шифром Q.XVII. 252, в 4-ку. Повесть, как и летописец, писана одним почерком конца XVII—начала XVIII в. на плотной бумаге (филиграни не ясны).

Летописец представляет собой сплетенные вместе разрозненные листы какой-то другой летописи, вследствие чего отдельные его статьи оказались без начала и конца. Кроме «Сказания», в нем находятся еще рассказы о казнях при Иване Грозном в Новгороде, Вологде, Москве, повесть о взятии Смоленска Грозным. Все эти известия носят полудеянный полусказочный характер.² Непосредственно «Сказанию» предшествует рассказ, сложенный, как думается, на основе «Послания» Спиридона-Саввы (его второй части) и «Родства великих князей литовских». Он следует за сообщением об отделении Литовской и Польской земель от Русской после Батыева нашествия. Его известия, в сильной мере искаженные, чередуются с заметками о количестве лет правления русских князей начиная с Ярослава Владимировича до Александра Невского. За сообщением, что после смерти Александра Невского «прия княжение сын его в Володимире Даниил Александровичь, а брата своего, князя Бориса Александровича, посла в Суздаль-град на княжение 6786 года, а до сего времени Москва была незнаема и неназвана», следует текст «Сказания». Какие известия шли за ним — неизвестно, в этом летописце текст за повестью начинается с отрывка фразы о казнях в Новгороде при Грозном.

Повесть имеет пространное заглавие, отличное от заглавий остальных списков. В него входит в несколько измененном виде и выражение, которое в списках обычно следует за летописным вступлением. Заглавие следующее: «Сказание о зачатии московском, и кто про то знал, что Москвы царством быть и государством слыть. Но о судеб твоих, христе царю! Твоими праведными судьбами сие сотворися!».

Начинается «Сказание» словами: «В моем месте ныне царствующий град Москва, в том месте были красные села Кучка боярина Ивановича». На чем кончался текст повести — неизвестно,³ список обрывается на середине фразы: «и князю Данилу села красные по обе...». В сохранившейся части список повести — исправный.

¹ Так названа та повесть о начале Москвы, которую С. К. Шамбинаго именует «новеллой».

² Эти известия летописца имеются и в летописи сборника ГИМ, собр. Муз., № 3996.

³ Список не окончен: часть листов с текстом «Сказания» в сборнике отсутствует.

Текст «Сказания» в этом списке представляет интерес тем, что он не совпадает с текстом всех других известных нам списков повести (всего известно 49 списков).

Действующие лица в этой рукописи «Сказания» иные. Место князя Андрея Александровича, который в этом варианте «Сказания» вообще отсутствует, занимает князь Даниил Александрович. Даниил, сын Александра Невского, княжит во Владимире, в Суздале же на княжении оказывается некий князь Борис Александрович, названный братом Даниила. Вместо Улиты в повести действует княгиня Марья, «жена Борисова».

Рассказ списка по сравнению с остальными выглядит много короче: нет пространных и бранчливых характеристик княгини, Кучковичей, опущены отдельные места повести (так, ничего не говорится о малолетнем князе Иване, слуге Давыде Тярдемиве, отсутствует встречающееся в списках место, где суздальский князь называется четвертым мучеником и сравнивается с Борисом, Глебом, Святославом, а также место, где говорится о действиях Кучковичей после совершения убийства; не приведены и молитвы, производимые владимирским князем).

Кроме того, и сами эпизоды «Сказания» переданы в сокращении. Так, в сцене, в которой князь скрывается в срубе, сказано только, что князь нашел «струбец» и влез в него «опочинуть от труда и от ран»; или по приходе владимирского князя в Суздаль говорится лишь, что суздальцы «не противишася» ему, речей же их к князю не приводится, и т. д.

Сюжетная линия повествования в этом списке осталась той же, действие развивается в том же порядке, что и в остальных списках, но дословные совпадения встречаются не часто, рассказ как бы передается своими словами. Вот как изложен в нем эпизод, рассказывающий о расправе владимирского князя с Кучковичами (сравниваю изучаемый текст с текстом старшего списка повести: ГИМ, собр. Муз., № 3996, конец первой половины XVII в.).

Текст по списку Q.XVII.252

И взял князь Данило Володимерской к своей силы в подмог силы суздальской три тыщци и пошел войною в красные села на Кучка боярина. И Кучко не мог противитися против князя Данила Володимерского, против войска его великого. И поимаша Кучка боярина и двух сынов его, и предаде их князь Данило злой лютой смерти без всякаго милосердия.

Текст по списку Муз. 3996

И собрався суздальцев три тыщци войска ко князю Андрею пособствовать, и подоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменные, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его Кучка боярина и с его детми в полон емлет. И куют их в железа крепкие и казнят его, и з детми его всякими казнями розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злою смерть приять в лета 6797, месяца марта в 17 день.

В рассматриваемом списке имеется ряд деталей, отсутствующих в других списках повести. Так, первое нападение на князя происходит не на охоте, а в «хоромах»; не только Кучковичи, но и княгиня Марья пытается спастись бегством от владимирского князя.

В связи с этим представляет интерес следующее: в повести встречается ряд мест, заставляющих вспомнить о другой повести о начале Москвы — «хронографической» (по С. К. Шамбинаго). Так, выражение «по обе стороны Москвы-реки и за Неглинную» этого списка встречается лишь

в тексте «хронографической» повести. В «хронографической» повести князь Юрий, чтобы осмотреть «Кучковы села», «входит» на гору, в нашей же повести Даниил «входит во светлицы и теремы высокия». Новостью изучаемого списка является расправа с Даниилом: убитого князя Кучковичи бросают «во Оку-реку». Тело убитого князя «предается водам» и в «хронографической» повести. Княгиню Марью Даниил повелевает «на вратех градных повесити». И расстреливают ее «из луков стрелами и ис пистолей пулками свинчатыми». В «хронографической» повести: князь «повеле (княгиню) повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков». В остальных списках «Сказания» о казни княгини говорится лишь, что ее «казня всякими муками разноличными, и предаде ея смерти лютое» (правда, о повешении «на воротех» упоминается и здесь, но в другой связи и в других выражениях). Не являются ли «хоромы» в нашем списке и сказанное о Марье, что она «бегству яшася ко отцу своему Кучку Ивановичу», также отголосками повести «хронографической»?

В списке встречаются новые выражения: «тебя пленю» вместо «тебя мечем погублю» в других списках, «борзой пес»; перевозчик «в струшку ездить» по Оке-реке; разъясняется, что «струбец» «сиречь гробница мертваго и утопшаго». Среди этих выражений имеются и такие: «поля чистые», «пуля свинчатая», «светлицы и терема высокие». Эти выражения автор мог взять из разговорной русской речи или устной поэзии. В повести чувствуется ритм устного сказа.

Даты, обычно встречающиеся во всех текстах «Сказания», в этом списке отсутствуют.

Очевидно, список Q.XVII.252 — это новый вариант «Сказания». Все перечисленные особенности этого текста в совокупности позволяют думать о нем следующее: новый вид интересующего нас памятника явился не результатом переделки письменного текста произведения, а писался составителем его на память. В нем мы встречаемся не просто с пропусками отдельных мест, появлением новых выражений и т. п., перед нами полная текстовая переработка памятника, по большей части вызываемая тем, что перерабатывавший нетвердо знал текст произведения, передавал его по содержанию и дополнял «по соображению». Именно тем, что повесть писалась по памяти, можно объяснить проникновение в нее мотивов из повести «хронографической». По этой же причине могли возникнуть и остальные изменения.

Можно думать, что самое «Сказание» писец знал хорошо или, во всяком случае, читал его недавно: он сумел сохранить не только канву рассказа в создаваемом тексте, но смог воспроизвести в нем и отдельные выражения повести.

Такое же впечатление рассказа, восстановленного по памяти, производит и предшествующий повести текст «о литовских князьях». Он не является копией текстов ни «Послания» Спиридона-Саввы (его второй части), ни «Родства». Это в значительной степени переделанные известия обоих памятников вместе. Некоторые из них выглядят здесь так: великий князь Симеон Иванович называется тверским князем, а события, связанные с именем Ольгерда, приписаны Гедмину.

Выше говорилось, что герои «Сказания» в этом списке носят другие имена. Чем вызвана такая перемена — ни самый текст «Сказания», ни окружающие повесть тексты ответа не дают. Об этом можно судить только предположительно.

Так, думается, что Даниил Александрович попал в рассматриваемом списке на место князя Андрея (теперь он оказывается основателем Москвы и первым ее князем) по той причине, что, судя по официальной литера-

туре, родоначальником династии московских князей считался Даниил, сын Александра Невского.⁴

Сложнее объяснить появление в повести имени Бориса Александровича (он заменяет Даниила Суздальского остальных списков). Борис называется братом Даниила Александровича, но брата с таким именем у Даниила на самом деле не было. Кого имел в виду под этим именем автор — сказать трудно. Возможно, имя просто выдуманно им, а может быть, автор подразумевал под ним историческое лицо.

В повести названо еще одно новое имя — княгини Марьи (вместо Улиты), жены Бориса. В истории известен великий князь тверской Борис Александрович. Рядом с ним в литературе упоминается и имя Марьи, его дочери. Может быть, этого тверского князя и его дочь и имел в виду автор в лице суздальского Бориса и княгини Марьи повести? Видеть в Борисе Александровиче тверского князя допустимо и потому, что в рассказе «о литовских князьях» перед повестью упоминается событие из тверской истории: «великие князья» отдают Гедимину «князя Симеона Тверского дщерь», Ульянию, в жены. Причем подчеркивается: «и оттоле пошло великое княжение литовское». Возможно, сам рассказ попал в летописец благодаря какому-то особому «пристрастию» писца ко всему «тверскому»?⁵

Но чем же в таком случае объяснить желание автора сделать Бориса Тверского и Марью героями рассказа? В повести Борис находится в близких отношениях с основателем Москвы и первым московским князем, он называется его братом. Марья (Улита в остальных списках «Сказания») показана злодейкой, убийцей мужа.

Не могло ли все это произойти таким образом. Автор повести — тверитин или же его интересы связаны с Тверью. Имя Бориса Александровича ему знакомо, даже больше: он знал, что Борис княжил в Твери в период ее могущества, был в дружеских отношениях с московским князем, он знал также, что дочь его, Марья, была замужем за князем, который уничтожил самостоятельность Твери (за Иваном III). Он мог знать об этом из литературы: в «Слове похвальном» инока Фомы⁶ Борис именно и называется «братом» московского князя, говорится в нем и о браке Марьи с Иваном. В его воображении Марья могла представиться уничтожившей то, что было сделано для Твери Борисом. Чтение же «Сказания» натолкнуло его использовать сложившиеся в повести взаимоотношения между героями. Стоило заменить имена — и повесть отражала представляемую им картину: Борис оказывался братом московского князя; Марья, выступавшая здесь в роли княгини, оказывалась убийцей Бориса. Может быть, потому в повести и пропущены известия о малолетнем князе Иване, что в сочетании с именем Бориса он казался бы не на месте.

Все только что сказанное относительно новых имен героев повести, конечно, только предположение. Во всяком случае вряд ли в этой подмене имен можно видеть какие-либо политические мотивы (в конце XVII — начале XVIII в. «областнические» тенденции едва ли были возможны). Если в повести, действительно, следует видеть Бориса Александровича Тверского, то появление его здесь скорее всего можно объяснить личным интересом к его деятельности автора.

⁴ В повести Даниил оказывается князем владимирским. На самом деле владимирским князем он не был.

⁵ Обращает на себя внимание, что в конце летописи, в повести о взятии Грозным Смоленска, тоже действует тверской епископ.

⁶ За совет привлечь «Слово похвальное» благодарю Б. И. Дубенцова.

Итак, список Q.XVII.252 (ГПБ) дает новый вариант «Сказания». Повесть в этом списке интересна тем, что представляет собой образец передачи текста по памяти. Ее текст значительно разнится с текстом остальных списков. Судя по тексту «Сказания» в этом списке, автор его был знаком и с другой повестью о начале Москвы — «хронографической». В подмене же имен героев повести, возможно, следует видеть отражение тверских интересов автора.

Текст «Сказания» по списку Q.XVII.252 издается по общепринятым правилам.

**Сказание о зачатии Московском, и кто про то знал, что Москвы царством быть и государством слыть. Но о судьб твоих, Христе царю!
Твоими праведными судьбами сие сотворися!**

В коем месте ныне царствующий град Москва, в том месте были красные села Кучка боярина Ивановича. У него было два сына, красотою краснее и хорошее их не было во всей Русской земли. И уведал про них князь Борис Александрович Суздальской, и просил их у Кучка боярина к себе во двор, глаголя: «И аще не даш их мне, сынов своих, и яс на тебя войною приду, и тебя пленю, и села твои красные огнем пожгу». И слышав то Кучко боярин и плачет о том вельми, и о сынах своих, и убоясь, не смея противен быти князю Суздальскому Борису. И отдал ему двух сынов своих на послужение. И ему, князю Борису, дети Кучковы полюбилися, и учинил их у себя во дворе — одного в столники, а другаго в чашники. И Борисова жена, княгиня Марья, диавольским наветом на красоту их прельстилася, и снидесе с ними любовию постельною, и умыслила, с ними извести его, князя Бориса Суздальского. И в ночи, в летнее время, в хоробах своих почали его погублять. И он, князь Борис, ушел у них ранен и побежал ко брату своему, князю Данилу Александровичю Володимерскому, в Володимерь. И прибежал ко Оки-реки, и по Оки-реки в струшку ездить перевозчик. И князь Борис просил за Оку-реку перевозу, и перевозщик ему, князю, говорил: «Лихо, вы, суздальцы, обманчивы. Сулите перевозное, а как вас перевезут и перевозного не дадут». И князь Борис снял с руки своей перьстень, и подает его перевозчику на весле за перевозное. И перевозчик перьстень взял на весле и отпехнулься на реку Оку прочь от берегу. И погреб от него, и не перевез. И князь Борис пошел в слезах подле Оки-реки, и нашел струбец, сиречь гробницу мертвого утопшаго. И влез в струбец опочинуть от труда и от ран. И не знает пути ко граду Володимерю. А княгиня его Марья с Кучковыми детьми с своими любовники почали тужить о том и бояться, что князь изранен ушел: «А будет де он с братом своим князем Данилом Володимерским, и нас сказнят смертною казнию». И княгиня Марья говорила своим любовникам: «Есть де у нас во дворе пес выжлец. А сказывал мне князь Борис, когда ходил на войну, заказывал походя мне: „Как либо яс буду убит на побоищи и сыскать моего тела, и познать в мертвом трупу никто не может, и вы, де спустите того моего пса. И тот пес сыщет мое мертвое тело, познает, где ни есть“». И слышавше у нея то Кучковы дети, и вьскоре сядятся на кони, и емлют с собою того борзаго пса, и спущают его дорогою ко граду Володимерю. И пес, бежа дорогою до Оки-реки, и поворотил з дороги в сторону, а они, Кучковы дети, на конех за пьсом гонили. И добежал пес до того струбца, где отдыхает князь Борис, и положил голову свою в струбец, а сам для тесноты весь не вместился. И видя господина своего, князя Бориса, почал радоватися, и от радости почал хвостом ма-

хать. И наехали тут дети Кучковы, и князя Бориса смерти предали, и тело его мертвое во Оку-реку ввергнули.

И в скором времени дойде весть в Володимер-град ко князю Данилу Александровичю. И велми плачет жалостно князь Даниил по брате своем, князе Борисе Суздальском. И собра силы своя десять тысяч и пошел на Суздаль град войною. А суздальцы не противишася князю Данилу Володимерскому. И виде то, княгиня Марья Борисова з детми Кучковыми бегству яшася ко отцу своему, Кучку Ивановичю, в красные села, где ныне царство московское. И князь Данило Володимерской войском своим поймали княгиню Марью Борисову и повеле ю на вратех градных повесити. И розстреляли из луков стрелами и ис пистолей пулками свинчатыми. И взял князь Данило Володимерской к своей силы в подмог силы суздальской три тысеци и пошел войною в красные села на Кучка боярина. И Кучко не мог противитися против князя Данила Володимерского, против войска его великого. И поимаша Кучка боярина и двух сынов его, и предаде их князь Данило злой лютой смерти без всякаго милосердия.

И почивает князь Данило в красных Кучковых селах до утра, а наутро встает на восходе солнца и входит во светлицы и в теремы высокия, и смотрит на Кучковы села красные по обе стороны Москвы-реки и за Неглинную, и в поля чистые. И князю Данилу села красные по обе...
